

Отзыв

о диссертации О. И. Сыромятникова

«Русская идея как принцип поэтики романов Ф. М. Достоевского 1866-1880 годов», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература

За сто лет активного изучения наследия Достоевского изданы сотни книг, десятки тысяч статей. Найти в этом информационном потоке свое место, выразить свой взгляд на творчество гениального писателя – трудная задача для любого исследователя.

О. И. Сыромятникову это удалось. Формулировка темы и постановка проблемы диссертационного исследования оригинальны и не встречались в научной литературе.

Русская идея – один из ключевых концептов творчества Достоевского.

Она сформулирована в сентябрьском 1860 г. «Объявлении об издании журнала “Время”»:

«Мы предугадываем и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа, в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих

идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности».

Русская идея стала не только ключевым пунктом программы журналов «Время» и «Эпоха», но и программой литературной деятельности самого Достоевского. Подробно и обстоятельно она разъяснена в главе «Утопическое понимание истории» («Дневник Писателя» за июнь 1876 года).

Особо следует отметить, что русскую идею образует синтез национальных европейских идей и допетровский «московской идеи»:

«...через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии Божием — стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*»;

что «это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение Креста Христова и окончательное слово Православия, во главе которого давно уже стоит Россия. Это будет именно соблазн для всех сильных мира сего и торжествовавших в мире доселе, всегда смотревших на все подобные «ожидания» с презрением и насмешкою, и даже не понимающих, что можно серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству и наконец на самое обновление людей на истинных началах Христовых».

Несмотря на очевидность присутствия концепта «русская идея» в критике и публицистике писателя, такая проблема не ставилась в изучении поэтики поздних романов Достоевского.

Подобная парадоксальная ситуация сложилась не только в изучении русской идеи, но и в изучении творчества Достоевского в целом: мы хорошо усвоили «горнило сомнений», но в противоречиях плохо расслышали «осанну» Достоевского.

Есть несколько причин такого положения дел:

- 1) недостаточно изучены идеологические аспекты русской идеи в публицистике Достоевского;
- 2) после 1917 г. русская идея стала предметом политических спекуляций и идейной (классовой) борьбы;
- 3) в силу укоренившейся в отечественном литературоведении традиции исследователи избегали изучения «реакционных» сторон творчества Достоевского.

Есть еще одна: после признания в 1960-1970-е годах концепции Бахтина мало кто из исследователей проявил желание изучать идеи автора самых «идеологических», по отзыву Б.М. Энгельгардта, романов в мировой литературе. Большинство приняло за факт, что в романах Достоевского есть идеи героев, но нет идей автора (идея у Достоевского, по Бахтину, «не принцип изображения (как во всяком романе), не лейтмотив изображения и не вывод из него (как в идейном, философском романе), а предмет изображения»).

В аргументации своих методологических установок О.И. Сыромятников не обостряет указанные проблемы. Он подчеркнуто позитивен и по отношению к М.М. Бахтину, и по отношению к его оппонентке В.Е. Ветловской, стремится примирить всех спорящих.

В анализе творчества Достоевского соискатель выделяет такие категории, как идеал, идея литературного произведения («внутренняя» и «внешняя»), идеи героев, система образов. Русская идея рассматривается

соискателем как основная идея поздних романов Достоевского в контексте основных направлений общественной мысли XIX века (западничества, славянофильства и консерватизма), в ее развитии в трудах русских философов XX века (И. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, В. В. Розанова, В. С. Соловьева, С. Л. Франка и др.), отмечается вклад самого писателя в осмысление *русской идеи*.

Соискатель в целом верно определяет русскую идею как синтез «национальной» и «сверх/наднациональной (христианской / православной)» идей. Русскую идею Достоевского характеризуют «соборность, профетизм, эсхатологизм и апокалипсизм, мессианизм и миссианизм» (с. 6 дисс.), идея «*восстановления*». Собственно, задачей исследования является то, как «православное воззрение» автора выразилось в его романах.

О.И. Сыромятников последовательно рассматривает претворение идеи автора в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы», обращаясь к их творческой истории, давая типологию героев, анализируя систему образов. Одним из ключевых принципов анализа является принцип *pro et contra* – «конфликтное взаимодействие» русской и западной идей в системе образов героев.

Не вижу необходимости в критическом изложении концепции исследователя, отмечу лишь, что диссертация о русской идее Достоевского не может не быть дискуссионной, что наблюдения и выводы соискателя, даже если с ними и не соглашались, обоснованы как личными умозаключениями, так и ссылками на интерпретации предшественников.

Ряд суждений диссертанта я хотел бы оспорить.

Так, следуя примеру Т.А. Касаткиной, К.А. Степаняна и др., соискатель неоправданно подозрителен к князю Мышкину в романе «Идиот», называя его «швейцарским философом русского происхождения» (с. 119), который привез из-за границы не те идеи (с. 121), проповедует не того Христа, утверждая, что в судьбе героя Достоевский выразил ошибочность руссоистской теории «естественного человека» (с. 140), соглашаясь с Д.

Барсотти: «Если князь Мышкин и походит на Христа, то не на Христа Евангелия и не на Христа Церкви, а, скорее, на такого, каким Его знал и проповедовал Руссо» – «ни Бога, ни человека» (с. 131-132).

Все эти и подобные претензии к герою романа ничем не оправданы: сначала исследователи внушили себе, что Достоевский писал роман не о христианине, а о Христе, потом оспаривают свое заблуждение, обвиняя автора и его героя.

Мышкин выражает сущность христианства и в словах, но прежде всего в поступках.

Станным мне представляется и такой упрек соискателя герою романа: «Не имея ясных критериев *истины, добра и красоты*, явленных в Богочеловеческой личности Христа, Мышкин не имеет и воли для их утверждения в жизни и потому приносит окружающим лишь страдания». Уверен, что Олег Иванович лучше меня знает, что страдание и сострадание выражают сущность христианства, что жизнь и есть страдание, что если счастье и «покупается», то годами, десятилетиями страданий, как писал о том сам Достоевский.

Олег Иванович оспорил мое суждение о неслучайном совпадении даты начала сюжета «Бесов» (14 сентября, День Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня) и фамилии героя (Ставрогин от stavros= крест). Возражаю: у меня и мыслей не было и нет, что Ставрогин подобен Христу («Эти рассуждения уподобляют Ставрогина Христу...», с. 229). Всегда возражал и возражаю против подобных уподоблений Раскольникова (В.Я.Кирпотин, Т.А.Касаткина), Мышкина (Т.А.Касаткина и др.). По поводу этого символа в романе «Бесы» отмечу, что Христос был распят меж двух разбойников: один уверовал и был спасен, другой хулил и погиб. У Ставрогина, как и всякого смертного, есть выбор из двух возможностей: следовать благоразумному или безумному разбойнику. Не хуля и не отрицая Христа, Ставрогин всё же «истребляет себя».

Подчас соискатель излишне однозначен в своих суждениях.

Так, он категорично заявляет, что «для нехристианского сознания во лжи нет ничего опасного, и обычно она не является предметом осуждения, если не приводит к тяжелым последствиям» (с. 195). У Достоевского сложнее: «у нас все лгут, все до единого», «у нас могут лгать даже совершенно честные люди», «сущую ложь за правду считаем», а один из героев даже обещает «до правды довераться»:

«...зато все честные, и хоть мы и врем, потому ведь и я тоже вру, да доვремся же наконец и до правды, потому что на благородной дороге стоим».

У Достоевского другая стихия, другой дискурс речи.

Категоричные и однозначные суждения соискателя легко оспорить, но еще раз подчеркну, что они аргументированы, и я не покушаюсь на право диссертанта иметь собственное мнение, отстаивать свои идеи и концепции.

В целом диссертация является оригинальным исследованием, которое обладает высокой степенью научной новизны и вносит существенный вклад в понимание творчества Достоевского.

Основные положения диссертации опубликованы в 45-ти научных работах соискателя, в том числе в двух монографиях, в 17-ти статьях в изданиях, рекомендованных ВАК.

Автореферат диссертации в полной мере отражает содержание диссертации.

Результаты диссертационного исследования были апробированы в докладах на международных, всероссийских, межвузовских и региональных научно-практических конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Старой Руссе, Омске, Воронеже, Луге, Перми, Соликамске, Ишиме и др. и получили признание коллег.

Полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов теории литературы и истории русской литературы.

Диссертация О. И. Сыромятникова «Русская идея как принцип поэтики романов Ф. М. Достоевского 1866-1880 годов» является

самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой разносторонне изучено выражение русской идеи в поэтике поздних романов Достоевского. К защите представлено оригинальное исследование, которое соответствует требованиям пункта 9.14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ и заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор

В. Н. Захаров

10 марта 2015 г.

Подпись заместителя начальника управления организации конкурсов и внешних связей Российского гуманитарного научного фонда В.Н. Захарова заверяю.

Заместитель начальника отдела развития

И.Ф.Егорова

10 марта 2015 г.